

В ванной комнате разливался аромат геля для душа, в котором угадывались нотки ветивера.

Ощущалась влажная свежесть только что вскопанной земли, смешанная с тонким древесным запахом, а если принюхаться — то и с едва уловимыми пряными и сладковатыми травяными оттенками.

Этот властный аромат уже не желал довольствоваться пространством ванной и жадно просачивался сквозь щель в двери.

Вкусно!

Чэн Юй отбросил в сторону пушистую игрушку, которую до этого сжимал в руках, и устремился на источник запаха, ведя себя в точности как неверный любовник, нашедший новую страсть.

Разумеется, он не заметил, как некое существо с кроваво-красными глазами пристально наблюдало за ним.

Бай Янь, задержавшийся и вышедший из ванной лишь спустя некоторое время, почувствовал присутствие в своей комнате постороннего. Его взгляд мгновенно стал настороженным, и он привычным движением потянулся к полке за пистолетом.

Это была его привычка: в комнате почти в каждом углу было спрятано оружие.

Но едва он успел поднять пистолет, как уловил знакомый аромат апельсинов. Он тихо усмехнулся, опустил руку и, широко шагая, направился к кровати.

— Что ты здесь делаешь? — Бай Янь с легкой иронией смотрел на маленькую фигурку, свернувшуюся клубочком на его постели.

Только что закончив разговор с Сальваторе, он не знал, что тот покинул его комнату.

Чэн Юй приподнялся, его фиалковые глаза впились в крупную фигуру перед ним. Из-за этого движения одежда сползла с его плеч, обнажая худобу.

Бай Янь подошел, сел рядом и поправил на нем одежду, про себя отметив, что вещи все-таки великоваты.

— Хочу, — Чэн Юй указал пальцем на его шею.

— Что? — Бай Янь не понял. Чего он хочет? Убить его? Вряд ли.

— Здесь, вкусно.

Увидев, что большой дуралей не понимает, Чэн Юй встал на колени, бесцеремонно оперся на плечо Бай Яня, а другой рукой потянулся к его затылку.

— Маленький Апельсин, ты ведешь себя как хулиган, — пробормотал Бай Янь. Где это видано, чтобы омега сам выпрашивал феромоны альфы?

Что значит хулиган, Чэн Юй не знал.

Он просто хотел, чтобы было вкусно.

— Ты, право слово... — невинный взгляд фиалковых глаз заставил Бай Яня умолкнуть.

Разве мог он винить Чэн Юя в непонимании? Тот ведь вообще ничего не понимал.

Бай Янь медленно выпустил немного успокаивающих феромонов, удостоверился, что Чэн Юй чувствует себя хорошо, и продолжил.

Некоторые омеги из-за низкой совместимости отторгают феромоны альфы, что может причинить им вред.

Теперь Чэн Юй наконец распробовал аромат как следует.

Древесные и землистые ноты с легким оттенком дыма, а если прислушаться — едва уловимая пряная острота и сладкое травяное послевкусие.

Оказывается, это совсем не горько!

Плотный, теплый древесный аромат с запахом влажной земли и легкой горчинкой — нечто уникальное и сложное.

— Нравится, — без колебаний вынес вердикт Чэн Юй.

— Это запах ветивера, мои феромоны.

Должно быть, он учуял их, когда феромоны случайно вырвались наружу, и теперь выпрашивал снова.

Впрочем, во всем виноват этот маленький хулиган. Между хозяином и контрактным зверем

существует ментальная связь, разве он не знает, что хвост леопарда нельзя трогать без разрешения?

Более того, он еще и помял его несколько раз, из-за чего леопард не сдержался.

Средняя продолжительность жизни людей в этой звездной системе достигает 147 лет, а альфы класса 3S живут еще дольше, так что для Бай Яня отсутствие опыта в подобных делах было вполне нормальным.

Но неопытный альфа очень легко может...

Впрочем, стоит ли ждать от Чэн Юя понимания границ?

— Впредь не смей просить феромоны у других альф.

Но учить его все же нужно, иначе однажды какой-нибудь дикий альфа обдерет его как липку, и где тогда ему, крестному отцу, искать утешения?

— Возвращайся в свою комнату спать.

Бай Янь втянул феромоны и принялся выпроваживать гостя.

Малыш и так невысокий, нельзя же ему еще и поздно ложиться.

— Не хочу, — Чэн Юй раскинулся на кровати звездочкой, упрямясь. — Нет, совсем нет.

Он крепко зажмурился, не желая ничего слышать.

Бай Янь, который уже давно морально подготовился к роли матери, столкнувшись с детским упрямством, невольно улыбнулся, хотя ситуация и была досадной.

Бай Янь: Не упрямясь, вставай немедленно.

Для Чэн Юя это звучало как бессвязное бормотание.

Поняв, что словами делу не помочь, он просто подхватил его, как мешок с картошкой, вынес из комнаты и отправил к себе.

Ой?

— Не надо, не надо.

Ого, а сейчас говорит вполне внятно.

До этого момента Чэн Юй произносил лишь по два слова за раз.

Эйс говорил, что люди, потерявшие слух в сознательном возрасте, постепенно утрачивают дар речи, и то, что он может говорить сейчас, — уже чудо.

Бай Янь же считал, что это заслуга того маленького Солнышка. Хотя малыш и не слышит звуков внешнего мира, он может слышать голос Солнышка в своей голове и часто с Ним общается.

— Плохой.

Неизвестно, кто тут плохой, но Бай Янь с мстительным удовольствием ткнул его пальцем.

Чэн Юй, только было усевшийся, тут же повалился на мягкую кровать.

— Чэн Юй... нет, Апельсин.

Он сердито взобрался обратно и теперь уже не сидел, а стоял на кровати.

— Вспомнил, как тебя зовут? — удивительно.

Похоже, с головой у него все в порядке, но дело явно не только в плохой памяти.

Только вот что значит, что Чэн Юй — не апельсин?

Бай Янь не успевал за ходом его мыслей. У ребенка слишком скачкообразное мышление, интересно, лечат ли такое психологи?

— Спать.

Он властно уложил его и накрыл одеялом.

— Ненавижу! Нравится вкусно, ненавижу большого!

— Как хочешь! — Бай Янь, уже дойдя до двери, обернулся и четко проартикулировал, чтобы

тот понял по губам.

Убедившись, что Чэн Юй снова закрыл глаза, отгораживаясь от него, он выключил основной свет, оставил только ночник и вышел.

Сальваторе он оставил в комнате Чэн Юя: Бай Янь боялся, что в новой обстановке малыш будет спать беспокойно.

Едва Бай Янь ушел, Чэн Юй открыл глаза и осторожно взглянул на черного леопарда, лежащего у дивана.

Убедившись, что зверь не смотрит на него, Чэн Юй слез с кровати и направился к двери ванной.

Он не заметил, как длинный хвост леопарда тихонько спрятался под хозяином.

Не открывается.

Немного разочарованно, но Чэн Юй не отступил.

Он подошел к другой двери.

Тоже не открывается.

Он уже готов был разозлиться!

В своей комнате Бай Янь только лег и собрался установить ментальную связь со своим зверем, как услышал, что кто-то скребется в дверь, словно котенок.

Откуда в поместье взялись кошкам? Ясно, что это тот самый Апельсин.

Тоже мне, апельсин — ведет себя наглее и дерзее, чем он сам, привыкший к жизни на грани.

Бай Янь заранее запер дверь, проявив дальновидность.

Пусть буянит, он все равно днем поспал, и Бай Янь не рассчитывал, что тот сразу уснет.

Через некоторое время звуки стихли — видимо, сдался.

Щелк.

?

На глазах у Бай Яня дверная ручка легко повернулась.

Клац... клац...

Тут и гадать было нечего.

Бай Янь не знал, злиться ли на ребенка за то, что не спит по ночам, или радоваться его сообразительности.

Не успел он ничего решить, как в дверной щели показалась пушистая серебристая макушка.

Бай Янь поспешно закрыл глаза, притворяясь спящим.

Он читал в руководстве для молодых родителей: ни в коем случае нельзя встречаться с ребенком взглядом.

Он почувствовал, как фигурка прокралась в темноте, а взгляд то и дело задерживался на нем.

Короче говоря: ведет себя как настоящий воришка.

Холодные пальцы коснулись его железы, и Бай Янь едва не выдал себя.

Похоже, нужно будет как следует объяснить малышу, что трогать железу альфы нельзя — это хулиганство.

Повозившись еще немного и убедившись, что феромонов больше нет, Чэн Юй лег, долго ворочался и наконец уснул.

В темноте пара кровавых глаз не смыкалась, продолжая источать легкий успокаивающий аромат.

Свернувшийся в углу малыш, учуяв запах, перебрался в крепкие объятия, и его брови разгладились.

На следующее утро солнечные блики рассыпались по озеру, дикие лебеди нарушали гладь воды, а дельфины то и дело выныривали, дразня птиц.

В комнате было тихо, стены из толстого стекла отсекали шум внешнего мира.

Бай Янь проснулся еще до рассвета — не потому, что рано встал, а потому, что почувствовал тяжесть, мешавшую дышать.

Длинные серебристые волосы рассыпались по его груди, щекоча кожу.

— М-м...

Голова приподнялась, сонные глаза были полны растерянности.

Где это он?

Он протер глаза, пытаясь понять, день сейчас или ночь.

— Доброе утро, малыш.

Вибрация под ладонью заставила Чэн Юя опомниться, и он наконец увидел большого парня, которого прижал к постели.

Он вспомнил: из-за красивых фейерверков он пошел домой с большим парнем.

Вкусно.

Чэн Юй опустил голову и начал принюхиваться к Бай Яню.

Бай Янь с усмешкой наблюдал за ним, как за котенком: понюхал, надул губы, не обнаружив желаемого, и поднялся.

Это что, он с самого утра получил плохую оценку?

— Ладно, иди умойся.

Бай Янь легонько ущипнул его за нос, сморщенный от недовольства, и красная родинка на кончике носа дрогнула.

Она перекликалась с алой точкой в уголке глаза, добавляя изысканным чертам лица особую притягательность.

— Обуйся!

В голосе послышалась тревога, но Чэн Юй стоял к нему спиной и не слышал.

Бай Янь подхватил тапки, в два счета оказался рядом, одной рукой подхватил малыша, а другой надел на него обувь.

— Иди.

Он опустил его на пол, позволяя умыться самому.

Хотя он еще не привык к тому, что у него появился ребенок, Бай Янь прекрасно понимал: хоть Чэн Юй и мал, он не в том возрасте, когда нужно сопровождать его повсюду.

Чэн Юй послушно кивнул и пошел в ванную. Поскольку комнаты были соединены, его принадлежности были там.

Он взял оранжевую зубную щетку, выдавил белую пасту.

Бац.

Щетка выпала из рук, пальцы задрожали, а боль в желудке, подобно зыбучим пескам, начала поглощать его.

— М-м...

Казалось, каждый дюйм его кожи колют тысячи тонких игл, стены неумолимо сжимались, сдавливая его в тиски.

Свет перед глазами начал меркнуть, он тонул в темноте, как утопающий, не в силах открыть рот, чтобы позвать на помощь.

Когда стены сомкнулись, дробя кости, из глаз покатались слезы.

Шум воды привел его в чувство — оказывается, он случайно задел кран.

<http://bllate.org/book/22320/2337257>